

ТРАДИЦИИ ИСТОРИОПИСАНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XIX–XX ВВ. (К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИЯХ ХОРЕЗМСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ)

Аннотация. Военно-политические и социально-экономические трансформации, а также качественные сдвиги в культурно-образовательной сфере Центральной Азии XIX века обусловили эволюцию региональной историографии в контексте усложняющихся исторических реалий. В данный период, в противовес традиционным канонам, в историческом дискурсе акцент сместился на комплексный анализ политической и социально-экономической жизни отдельных ханств и генеалогию правящих династий. Дифференциация историографических подходов привела к институционализации Кокандской, Хивинской и Бухарской научных школ. В представленной статье эксплицируются специфические характеристики и методологические особенности Хивинской историографической школы.

Ключевые слова: Центральная Азия, Хивинское ханство, исторический процесс, нарратология, историография, первоисточники, историографические школы, переводческая деятельность, источниковедческий анализ.

Prof. Z. A. Ilkhamov
NPUUz named after Nizami

HISTORIOGRAPHY OF CENTRAL ASIA IN THE 19th – 20th CENTURIES
(SPECIFIC FEATURES OF THE KHOREZM HISTORIOGRAPHICAL SCHOOL TRADITIONS)

Abstract. The military-political and socio-economic transformations, along with qualitative shifts in the cultural and educational spheres of 19th-century Central Asia, necessitated the evolution of regional historiography within the context of increasingly complex historical realities. During this period, in contrast to traditional canons, the historical discourse shifted its emphasis toward a comprehensive analysis of the political and socio-economic life of individual khanates and the genealogy of ruling dynasties. The differentiation of historiographical approaches led to the institutionalization of the Kokand, Khiva, and Bukhara scientific schools. This article explicates the specific characteristics and methodological features of the Khiva school of historiography.

Keywords: Central Asia, Khiva Khanate, historical process, narratology, historiography, primary sources, historiographical schools, **translation activity**, source criticism.

Введение. Историография Центральной Азии XIX — начала XX вв. представляет собой сложный и многогранный объект исследования, детерминированный спецификой общественно-политических трансформаций данного периода. В отличие от предшествующих эпох, XIX век характеризуется интенсификацией внешнеполитической деятельности Бухарского эмирата, Кокандского и Хивинского ханств. Особое место в историческом контексте занимает эскалация геополитического соперничества между Российской и Британской империями, приведшая к радикальным изменениям административно-политической карты региона. Параллельно с военно-политическими процессами, приоритетными объектами современного историографического анализа становятся эволюция научно-культурной среды и институциональные преобразования в сфере образования. Труды историков того времени рассматриваются не только как нарративное изложение событий, но и как репрезентативные первоисточники

по социально-экономической и политической антропологии региона. В рассматриваемый период в таких интеллектуальных центрах, как Бухара, Хива, Коканд и Ташкент, произошла окончательная консолидация самобытных историографических школ, каждая из которых выработала уникальные методологические подходы к фиксации и интерпретации исторического процесса.

Актуальность темы. В ряду историографических школ, сформировавшихся в Центральной Азии, Хорезмско-Хивинская школа историографии обладает рядом специфических черт, отличающих её от традиционных подходов, характерных для Бухарского эмирата и Кокандского ханства. К числу таких отличительных особенностей можно отнести доминирование узбекского языка в повествовательной традиции Хорезма, а также содержательную преемственность и хронологическую последовательность исторических сочинений, которые, дополняя друг друга, образуют единый комплексный нарратив. Характерной чертой данной школы является также профессиональная преемственность историков: каждый последующий автор продолжал деятельность своего предшественника, что позволило сформировать целостную и системную историческую панораму Хивинского ханства. Кроме того, в качестве самостоятельного и уникального направления хорезмской историографии выделяется формирование самобытной школы художественного и научного перевода.

Обзор литературы. Ключевой детерминантой, маркирующей самобытность Хорезмско-Хивинской историографической школы и её дивергенцию от Бухарской и Кокандской традиций, является приоритетное использование узбекского языка в качестве основного медиума исторического повествования. Исследователи констатируют, что в XIX веке Хорезмская школа занимала лидирующие позиции в создании нарративных источников на тюркском языке, формируя корпус исторических сочинений на среднеазиатском тюрки [4.4.].

Как отмечает К. Муниров: «Традиция историописания на узбекском языке получила масштабное развитие именно в Хивинском ханстве. Дело, инициированное Абулгази-ханом, в XIX столетии с высоким мастерством продолжили выдающиеся узбекские поэты и маститые историографы Шермухаммад Мунис и Мухаммад Риза Оахи. Эти великие ученые-хронисты, наряду с фиксацией истории Хорезма, заложили основы самобытной научной школы в данной области» [1.4.].

Фундаментальным отличительным признаком Хорезмско-Хивинской школы, выделяющим её на фоне Бухарского и Кокандского центров, является строгое соблюдение принципа хронологического континуитета и преемственности летописной традиции. Речь идет о практике последовательного дописывания исторических трудов: сочинение, начатое одним автором, подхватывалось и развивалось его преемником. Подобный алгоритм обеспечивал непрерывность исторического процесса в текстах, что создавало уникальные условия для формирования целостной, системной ретроспективы истории Хивинского ханства. В частности, в исследовательских кругах подчеркивается, что историографическая

деятельность Муниса, Огахи и Баяни выстраивалась именно в рамках данной парадигмы — как взаимодополняющий цикл трудов, представляющих собой органическое продолжение друг друга [2.664.].

Данный вектор историописания, заложенный Шермухаммадом Мунисом, получил дальнейшее развитие в творчестве Мухаммада Ризы Огахи. Согласно сведениям, приведенным в антологии «Тазкираи Кайюми»: «Элтузар-хан поручил Шермухаммаду составление истории Хорезма. После кончины Элтузар-хана в 1806 году взошедший на престол Мухаммад Рахим-хан подтвердил распоряжение о продолжении этого труда. Данное сочинение, получившее название “Фирдавс ул-икбал”, охватывает исторические события в Хорезме вплоть до 1812 года» [3.100.].

Обсуждение. Особого внимания заслуживает феномен выраженной протекции хивинских монархов в отношении развития исторической науки. Данная тенденция подтверждается целым рядом прецедентов: указом правителя Эш-султана Утамишу-хаджи о составлении исторического труда; личной инициативой хивинского хана Абулгази в написании фундаментальных хроник; а также аналогичными указами Элтузар-хана Мунису и Аллакули-хана Огахи. Подобный патронаж со стороны верховной власти является уникальной чертой хорезмской историографии, свидетельствующей о высокой степени востребованности исторического знания и стремлении правителей к созданию верифицированной летописи государства.

Именно эта институциональная преемственность стала ключевым фактором создания труда Огахи «Фирдавс ул-икбал». В антологии «Тазкираи Кайюми» отмечается: «Литературное поприще досталось Огахи в наследие от его дяди, мавлано Муниса. В 1838 году от Рождества Христова по повелению Аллакули-хана ему было поручено продолжить начатый Мунисом труд “Фирдавс ул-икбал”. Во втором томе Огахи приступил к фиксации событий, очевидцем которых был он сам. Работа продолжалась и в эпоху Мухаммад Рахим-хана II, в результате чего под редакцией Огахи были изложены исторические события вплоть до 1872 года. Вклад Огахи в историографию Хорезма неоценим, он оставил после себя важнейший исторический памятник» [3.146-149].

В других источниках указывается на роль Мухаммада Юсуфа Баяни как прямого преемника Огахи: «Традиции Огахи в области историописания и его исторический труд были продолжены Мухаммадом Юсуфом Баяни» [5]. К. Муниров также акцентирует внимание на деятельности Баяни как наследника историографической и переводческой школы Муниса и Огахи: «Их начинания на рубеже XIX и XX веков продолжил видный ученый-историк и поэт Мухаммад Юсуф Баяни» [1.4].

Согласно результатам иных исследований, во второй половине XIX — начале XX вв. данную традицию развивали Табиби и Баяни. Последний, наряду с прозаическими сочинениями, такими как «Тарихи Табари», осуществил высокопрофессиональный перевод историко-художественного произведения Камолиддина Бинаи «Шайбани-наме», написанного в жанре

маснави, а также арабского исторического трактата Мавлано Дарвеша Ахмада «Сахаиф ул-ахбор» («Страницы известий», 1–2 тома) [6.218-227].

В рамках устоявшейся традиции, по указу хивинского хана Мухаммада Рахим-хана II, Мухаммад Риза Табиби [7] подготовил фундаментальный труд «Тарихи Хоразмшохи» («История Хорезмшахов»). Данное сочинение, охватывающее период с древнейших времен до начала XX века, детально освещает вопросы правления и административной деятельности династии Кунгратов. Научная значимость этого труда возрастает в связи с тем, что он выступает логическим продолжением летописи Огахи, фиксируя исторические события после 1872 года [8.84-110]. Мухаммад Риза Табиби признан одним из крупнейших придворных историографов своего времени; в своем сочинении он представил последовательный хронологический анализ сложных политических и экономических трансформаций второй половины XIX — начала XX вв., а также отразил динамику культурного развития Хорезмского региона.

Другим выдающимся продолжателем традиций Хорезмской школы является Мухаммад Юсуф Баяни [9]. Приступая к написанию своего основного труда «Шажарайи Хоразмшохи» («Родословная Хорезмшахов»), Баяни отмечал, что детали ряда событий отсутствовали в работах его предшественника Огахи, в связи с чем он стремился реконструировать историческую картину на основе показаний непосредственных участников и очевидцев: «...историю вышеупомянутого периода (период правления Мухаммад Рахим-хана II до 1872 года — прим. авт.) я восстановил, разыскав старцев, принимавших участие в делах того времени, и тщательно верифицировал их рассказы». В процессе работы над «Историей Хорезма» Баяни уделял особое внимание методологии исторического описания, настаивая на императиве объективности и правдивости: «К написанию исторических книг есть одно требование: хронист не должен проявлять пристрастности, ему надлежит излагать события с предельной достоверностью. В противном случае его слова не найдут признания у читателя» [10].

Таким образом, усилиями представителей этой школы был сформирован корпус фундаментальных трудов, таких как «Фирдавс ул-икбал» Муниса [11.517], «Шахид ул-икбал», «Джами ул-вакеати султани» [13.126], «Зубдат ут-таварих» [14.240] и «Ряз уд-даула» [15.214] Огахи, а также «Шажарайи Хоразмшохи» Баяни [10]. Данные произведения и по сей день сохраняют статус первичных и наиболее авторитетных источников по истории Хорезма [16.208].

Переводческая направленность историописания. Одним из ключевых векторов развития Хорезмско-Хивинской историографической школы второй половины XIX — начала XX вв. выступает переводческая деятельность. Роль Мухаммада Ризы Огахи в этом процессе рассматривается рядом исследователей как фундамент для формирования уникальной переводческой традиции, обладающей статусом самостоятельного научного направления [23.349].

Исследователь Х. Назирова в своих трудах акцентирует внимание на следующей специфике Хивинской школы: «В эпоху правления династии Кунгратов иницируется масштабная и системная трансляция исторических и агиографических сочинений с арабского и персидского языков на тюркский. Несмотря на то, что подобные попытки предпринимались ранее правителями из династии Шейбанидов, именно Кунграты достигли в этой области наивысших результатов. Подобная “тюркизация” исторического дискурса имела важнейшее культурное значение. Переводчики рассматривали адаптацию текстов на тюркский язык как способ популяризации знаний, поскольку сочинения на арабском и персидском языках отвечали запросам лишь узкого круга интеллектуальной элиты» [4.12-13].

В сфере переводов, равно как и в историописании, сохранялась строгая приверженность традиционализму. Представители данной школы не ограничивались созданием оригинальных хроник по истории Хорезма, но и осуществили интеграцию широкого пласта классического восточного наследия в узбекскую языковую среду [1.4].

В частности, Огахи осуществил перевод на узбекский язык таких значимых историко-литературных памятников, как «Равзат ус-сафа» Мирхонда, «Тарихи джахангушаи Надири» Мухаммада Махди Астрабади, «Бадаи ал-вакаи» Зайниддина Васифи, «Табакати Акбар-шахи» Мухаммада Муки Хирати и «Газкираи Муким-хани» Мухаммада Юсуфа Мунши [26]. Другие источники подтверждают многогранный характер его деятельности: являясь автором серии оригинальных трудов («Рияз уд-даула», «Зубдат ут-таварих», «Джами ул-вакеати султани», «Гулшани давлат» и «Шахид ул-икбал»), охватывающих историю Хорезма с 1825 по 1872 годы, Огахи также переложил на узбекский язык более 20 фундаментальных исторических и художественных сочинений с арабского и персидско-таджикского языков [27].

Преемственность и институционализация переводческой традиции. Традиционный характер переводческой деятельности в Хорезмской историографической школе, а также участие в этом процессе целой плеяды выдающихся историков и литераторов свидетельствуют о достижении данной сферой уровня научного совершенства. Перевод не просто существовал параллельно с оригинальным историописанием, но и выступал в качестве необходимого компонента, дополняющего и верифицирующего исторический нарратив. Инициатива в этом вопросе вновь принадлежала хивинским монархам, которые ставили перед историографами задачу по адаптации фундаментальных трудов на узбекский язык, стремясь сделать их доступными для широких слоев населения.

Согласно сведениям «Газкираи Кайюми»: «Мухаммад Рахим-хан поставил перед Мунисом Хорезми третью важную задачу: осуществить перевод с таджикского языка на узбекский знаменитого исторического сочинения “Равзат ус-сафа”, написанного Мирхондом в Герате в эпоху Алишера Навои. Мавлано Мунис успел завершить перевод первого тома этой

монументальной хроники и работал над вторым томом, когда в 1829 году безвременно скончался в разгар эпидемии холеры в Хорезме» [3.100].

В последующем Огахи переложил на узбекский язык более двадцати произведений с персидского. Во второй половине XIX — начале XX вв. данную эстафету подхватили Табиби и Баяни. В частности, Баяни осуществил перевод прозаических трудов, таких как «Тарихи Табари», и взял на себя сложную задачу по интерпретации историко-художественных произведений, написанных в жанре маснави, включая «Шайбани-наме» Камолиддина Бинаи. Им также был виртуозно переведен арабский исторический трактат Мавлано Дарвеша Ахмада «Сахаиф ул-ахбор» («Страницы известий», 1–2 тома) и отредактирован узбекский перевод сочинения Атауллы ибн Фазлуллы Хусайни «Равзат ул-ахбаб» («Сад любящих»). Камил Хорезми, в свою очередь, адаптировал на узбекский язык малые прозаические формы: сборники рассказов и притч Бархурдора Мумтаза («Махбуб ул-кулуб») и Фахриддина Али Сафи («Латаиф ут-таваиф») [28].

Период с конца XVIII до начала XX вв. признан наиболее продуктивным и репрезентативным этапом в истории узбекского перевода. За это время на узбекский язык было переведено более 150 разножанровых сочинений с арабского, персидского, азербайджанского и турецкого языков, составивших основу духовного наследия. В этот процесс были вовлечены не только признанные корифеи - Огахи, Камил, Баяни и Табиби, но и такие мастера, как Мухаммадрасул Мирзо, Санаи, Роджи, Талибходжа, М. Рафе, Хабиби и Магфурходжа [6.218-227].

Еще одним выдающимся представителем Хорезмской школы является Мухаммад Риза Табиби. В соответствии с установившейся в хивинской историографии традицией составления трудов по монаршему указу, он по повелению Мухаммад Рахим-хана II создал историко-художественное сочинение под названием «Маджмуат аш-шуараи Ферузшахи» («Собрание поэтов Ферузшаха») [30.320]. Данный труд, развивая заложенные Огахи принципы, представляет собой фундаментальную тазкиру (антологию), в которой детально освещается деятельность более чем 30 поэтов, литераторов и историков, живших и творивших в Хорезмском ханстве в эпоху правления Мухаммад Рахим-хана II (Феруза). Помимо биографических сведений, автор дает глубокий анализ социально-политических процессов того времени.

Относительно личности и наследия Ахмада Табиби литературовед У. Долимов отмечает: «Первичные сведения о творческом пути Ахмада Табиби содержатся в трудах Мухаммада Юсуфа Баяни, русского тюрколога А. Н. Самойловича, а также современника поэта — Хасанмурада-кари Мухаммадамина Лаффаси». Последний указывает: «По указу Феруза Ахмаджан, взяв псевдоним Табиби, преуспел в стихосложении и создал множество строк, снискавших благоволение правителя, издав четыре тома диванов. Два из них составлены на персидском языке, два — на тюркском (узбекском). Помимо этого, также по велению Феруза, в течение одного года он систематизировал сведения о всех поэтах эпохи и подготовил их жизнеописания» [31; 32.464].

Заключение. В рамках переводческой деятельности Хорезмско-Хивинской историографической школы процесс трансляции на узбекский язык осуществлялся с предельно бережным отношением к содержательной аутентичности первоисточников. При этом переводчики зачастую прибегали к методу адаптации, трансформируя сложные поэтические формы оригиналов в доступное прозаическое повествование, что обеспечивало легкость восприятия и понимания текстов читателями.

В качестве итоговых выводов можно констатировать, что в ряду интеллектуальных центров Центральной Азии XIX – начала XX вв. (Коканда, Ташкента, Бухары) Хорезмско-Хивинская школа историографии занимает уникальное положение. Её самобытность и научная значимость детерминированы следующими концептуальными факторами:

- Лингвистическая спецификация: приоритетное использование узбекского языка в историческом дискурсе;

- Структурно-содержательный континуитет: труды и деятельность историков характеризуются строгой хронологической последовательностью и преемственностью, что позволило создать целостную, системную панораму истории Хивинского ханства без событийных лакун;

- Институционализация перевода: формирование автономной школы художественного и научного перевода, обеспечившей интеграцию классического наследия Востока в локальную среду.

Таким образом, Хорезмско-Хивинская школа не только проявила себя как уникальный феномен в региональном интеллектуальном пространстве, но и сыграла фундаментальную роль в эволюции историографической традиции и развитии исторической науки в Центральной Азии в целом.

Литература / References

1. Муниров Қ. Хоразмда тарихнавислик (XVII-XIX ва XX аср бошлари). Ғ.Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти. Тошкент. 2002. 4-б.
2. Қайюмов, П. Тазкираи Қайюмий: (Муаллиф дасхати асосида нашрга тайёрловчи ва сўзбоши муаллифи А. Қаюмов). – Тошкент: ЎЗР ФА Қўлэмалар институти тахририй-нашриёт бўлими, 1998. – 664 б.
3. Қайюмов П. (Пўлатжон Домулла Қайюмов). “Тазкираи Қайюмий” /масъул муҳаррир: Л.Қаюмов/. -Т.”ЎЗР ФА Қўлэмалар институти тахририй нашриёт бўлими”, 1-жилд. 1999. 100-б.
4. Назирова Х. Қўнғиротлар сулоласи тарихнавислигида Муҳаммадризо Огаҳийнинг «Зубдат ут-таворих» асари. Тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD) диссертацияси автореферати. Тошкент 2022. 50 б.
5. Муҳаммад Ризо Огаҳий (1809-1874 йй). <https://allomalar.uz/ky/scientist-info/43>
6. Дармонова М. Хоразм таржимон ва ҳаттотлари. “Моддий-маънавий мерос ва умумбашарий қадриятлар. Республика илмий-амалий анжумани материаллари. 12-китоб. Тошкент. 2020. 218-227-бб.
7. Муҳаммад Ризо Табибий - Аҳмад Али Муҳаммад ўғли, 1869 -Хива -1911) - шоир, тарихнавис, таржимон, табиб.
8. Табибий, Муҳаммад Ризо. Тарихи хоразмшоҳий // Хоразм тарихнавислик мактаби намояндалари. – Тошкент: Фан, 2010. – Б. 84-110.
9. Муҳаммад Юсуф Баёний - Муҳаммад Юсуфбек Бобожонбек ўғли, (1858-Хива-1923) - ўзбек шоири, тарихчи, муסיқашунос, ҳаттот ва таржимон.

10. Муҳаммад Юсуф Баёний “Шажараи Хоразмшоҳий”. Т. Мерос. 1991.
11. Мунис. Фирдавс ул-иқбол / Мунис, Огаҳий; масъул муҳаррир ва туркум муаллифи Ш. Воҳидов. – Тошкент: Янги аср авлоди, 2010. – 517 б.
12. Огаҳий, Муҳаммад Риза Эрнийезбек ўғли. Шоҳидул-иқбол (Иқбол шаҳодати) / Муҳаммад Риза Эрнийезбек ўғли Огаҳий; нашрга тайёрловчи Н. Шодмонов. Тошкент. Муҳаррир, 2009. -335 б; Огаҳий, Муҳаммад Ризо Эрнийезбек ўғли. Шоҳидул-иқбол (Иқбол шаҳодати). Ж. 7. – Тошкент : Шарқ, 2019. – 384 б.
13. Огаҳий, М. Р. Жомеъ ул-воқеоти султоний. Асарлар. Ж. 6 / Муҳаммад Ризо Огаҳий. – Тошкент: Адабиёт ва санъат, 1980. – 126 б.
14. Огаҳий, М. Р. Зубдату-т-таворих (Тарихлар сараси) / Муҳаммад Ризо Огаҳий; нашрга тайёрловчи Н. Жабборов. – Тошкент : O`zbekiston, 2009. – 240 б.
15. Огаҳий, М. Р. “Риёзуд-давла”. Ж.5 / Муҳаммад Ризо Мироб Эрнийезбек ўғли Огаҳий; нашрга тайёрловчи Ғ. Каримов; масъул муҳаррир С. Долимов. Тошкент, 1978. 214 б.
16. Огаҳий, М. Р. Асарлар : 6 жилдлик. Ж. 6. Тарихий асарлардан парчалар / Муҳаммад Ризо Огаҳий. – Тошкент: Адабиёт ва санъат нашриёти, 1980. – 208
17. Комилов, Н. Муҳаммадризо Огаҳийнинг таржимонлик маҳорати: филол. фан ном. дисс... / Н. Комилов. Тошкент, 1970. – 349 б
18. Муниров, Қ. Мунис, Огаҳий ва Баёнийнинг тарихий асарлари – Ўрта Осиё тарихига оид манбалардир. тарих фан. номзоди ... дисс... / Қ. Муниров. Тошкент, 1961. 267 б;
19. Атоқли шоир, тарихнавис, таржимон: Огаҳий ҳақида мақолалар / таҳрир ҳайъати: А. Абдуғафуров [ва бошқ.]. -Тошкент. Халқ мероси, 1999. -152 б
20. Муниров, Қ. Мунис, Огаҳий ва Баёнийларнинг тарихи / Қ. Муниров. – Тошкент : ЎзФАН, 1961.– 165 б
21. Агахи, М. Р. Зубдат ал-таварих : научно-критический текст / Муҳаммад Риза Мираб Агахи ; сост. Х. Назирова. – Ташкент ; Самарканд, 2016. – 304 с.
22. Огаҳий (тахаллуси; тўлиқ исм-шарифи Муҳаммадризо Эрнийезбек ўғли) (1809.17.12, Хива яқинидаги Қиёт қишлоғи - 1874.14.12) - шоир, тарихчи, таржимон.
23. Комилов, Н. Муҳаммадризо Огаҳийнинг таржимонлик маҳорати : филол. фан ном. дисс... / Н. Комилов. Тошкент, 1970. – 349 б
24. Камиллов Н. Хорезмская школа перевода (проблемы типологии и сопоставительное исследование истории перевода в XIX в.). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. –Т., 1987. –С. 18
25. Назирова Х. Кўнғиротлар сулоласи тарихнавислигида Муҳаммадризо Огаҳийнинг «Зубдат ут-таварих» асари. Тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD) диссертацияси автореферати. Тошкент 2022. 12-13-бб.
26. Жумаев Н. Муҳаммадризо Огаҳий (1809-1894) // <https://ziyouz.uz/uzbek-sheriyati/uzbek-tumtoz-sheriyati/ogahiy>
27. Муҳаммад Ризо Огаҳий (1809-1874 йй). <https://allomalar.uz/ky/scientist-info/43>
28. Хива адабий муҳити // <http://xorazmiy.uz/uz/pages/view/612>
29. Дармонова М. Хоразм таржимон ва ҳаттотлари. “Моддий-маънавий мерос ва умумбашарий кадриятлар. Республика илмий-амалий анжумани материаллари. 12-китоб. Тошкент. 2020. 218-227-бб.
30. Табибий, Муҳаммад Ризо. Мажмуат уш-шуаро / Таҳрир ҳайъати: А. Қаюмов ва бошқ. – Тошкент: «Ёзувчи», 1999. 320 б.
31. Улуғбек Долимов. Ахмад Табибий (1869-1910) // <https://ziyouz.uz/ilm-va-fan>.
32. Қосимов Б., Юсупов ш., Долимов У., Ризаев Ш., Аҳмедов С. Миллий уйғониш даври ўзбек адабиёти. Тошкент, “Маънавият”. 2004. 464 б.
33. Firdaws al-Iqbal : History of Khorezm by Shir Muhammad Mirab Munis. Leiden, E. J. Brill, 1999, LXXVII-718 p.
34. Usmanova G. The study of Firdaws al-iqbal in western academia. / Problems of foreign language research and teaching. 5(20), Feb., 2025. P.397-401.